
Иньюэ Ван
Дневниковые записи

Иньюэ Ван

Дневниковые записи

«Автор»
2026

Ван И.

Дневниковые записи / И. Ван — «Автор», 2026

Откройте для себя мир, спрятанный между строк и на полях. Эта книга – не просто сборник дневниковых записей, это приглашение в личное пространство, где мысли обретают форму, а чувства – цвет. Здесь вы найдете искренние размышления, мимолетные наблюдения и те самые моменты, которые мы часто храним только для себя. А между ними – зарисовки, оживляющие слова, добавляющие глубины и текстуры каждому переживанию. Погрузитесь в эту атмосферу, почувствуйте ритм жизни автора и, возможно, найдете отклик в собственной душе.

© Ван И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Люциан 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Иньюэ Ван
Дневниковые записи

Глава 1 Люциан

Люциан ввалился на кухню с яблочным соком на подбородке, счастливый, сытый и слегка обалдевший от съеденного. В руках он всё ещё держал корзину с покусанными яблоками, но стоило ему переступить порог, как взгляд упёрся в гору рассыпанных пряностей на длинном деревянном столе. Рядом стояли пустые банки с наклейками: «КОРИЦА», «ИМБИРЬ», «ГВОЗДИКА», «МУСКАТНЫЙ ОРЕХ», «БАДЬЯН».

Рядом с банками — песочные часы на пять минут. Домовики испуганно жались у плиты, переглядывались и что-то бормотали на своём, тыкая в стол мохнатыми пальцами.

— Ах, вот оно что! — Люциан хлопнул в ладоши, поставил корзину на пол и забыл о ней в ту же секунду. — Пряности?

Он подскочил к столу, запустил обе руки в ворох коричнево-рыжей россыпи, поднёс к носу горсть и глубоко втянул. Глаза закатились от блаженства. Корица, имбирь, что-то терпкое, острое, сладкое — всё это смешалось в один пьянящий осенний взрыв.

— Где тут у нас… — он начал шарить по столу, хватая банки одну за другой.

Первой в руки попалась гвоздика. Люциан понюхал её, чихнул, довольно хмыкнул и начал выуживать из общей кучи тёмные сухие бутончики. Он делал это быстро, но с каким-то бешенным удовольствием: пальцы мелькали, отбрасывая в сторону лишнее, а сам он пританцовывал на месте, напевая всё ту же безымянную мелодию.

— Гвоздика, гвоздичка, ты моя сестричка, — бормотал он, ссыпая горсть в банку. Закрыл крышку — раз! — и отставил в сторону.

Часы показывали четыре минуты.

Люциан сунул нос в кучу, вытащил длинную палочку корицы, лизнул её, скривился, но с довольной ухмылкой отправил в следующую банку. Он работал как бешеный: разгребал руками, нюхал, выбирал, отбрасывал. Иногда хватал бадьян, крутил в пальцах, любовался его звёздчатой формой и снова в банку.

— Это кто тут у нас? Мускат? — он нашёл орешек, понюхал, зажмурился от удовольствия и швырнул в нужную ёмкость. — Узнаю запах детства. Бабушка клала его в тыквенный пирог, когда…

Он не договорил, потому что увидел рядом с мускатом что-то ещё — какая-то странная пряность, которую он не знал, но нюхнул, одобрительно крякнул и сунул следом, решив, что имбирём пахнет. На банке было написано «ИМБИРЬ», и он криво усмехнулся.

— Всё равно ты имбирь, — сказал он пряности, закручивая крышку.

Две минуты.

Люциан перешёл в режим бога-ветра. Руки мелькали, он буквально нырял головой в стол, разгребал, сортировал, пересыпал. Из рукава выпало надкусанное яблоко, он его поймал, хрумкнул, выплюнул косточки и снова в бой. Домовики смотрели на него с уважением и ужасом одновременно.

— Так, — выдохнул он, когда в каждой банке лежала ровно та пряность, что была написана. — Почти всё.

Оставалась одна минута. На столе валялись крошки, щепотки, пара случайных бутончиков, но Люциан ловко подмёл это всё рукой в пустую миску, поднёс к носу, чихнул и радостно засмеялся.

Часы щёлкнули. Песок закончился.

— Ну? — он повернулся к домовикам, вскинув брови и раскинув руки. — Что скажете?

Те заохали, закивали, захлопали в ладоши. Один старый домовик даже прослезился и подал ему чистую тряпку, чтобы он вытер руки. Люциан взял, потёр ладони, понюхал их — пахли имбирём, корицей и яблоком, — и довольно выдохнул.

— Я люблю осень, — сказал он вслух, глядя на ровные ряды банок. — В ней есть порядок. Но сначала — хаос. А я в хаосе лучше всего и ориентируюсь.

Он подхватил с пола корзину с яблоками, заглянул в неё, вытащил одно — целое на удивление, — надкусил, сунул обратно и, улыбаясь во весь рот, направился к выходу, оставляя на столе после себя идеально разложенные банки и лёгкий беспорядок в виде пряностей на лице и мантии.

— Завтра ещё что-нибудь придумайте, а? — крикнул он через плечо домовикам. — Я вообще-то всё люблю разбирать. Если это вкусно пахнет.

И исчез за дверью, насвистывая.

Люциан спустился в кладовую, потому что домовики жаловались на шорох за мешками с мукой. Он толкнул дверь, и первое, что увидел, — маленький колючий клубок у ящика с яблоками. Ёжик сидел на полу, на коврике из осенних листьев, и деловито сопел, уткнувшись носом в яблоко.

— Ой, — сказал Люциан.

Он сказал это тихо, почти шёпотом, и сам не заметил, как голос стал другим — мягким, тягучим, каким говорят с младенцами и котятами. Он присел на корточки, не делая резких движений, и сложил руки на коленях.

— Ты кто такой? — спросил он. — Ты как сюда попал, а? Маленький такой. Колючий. Хорошенький.

Ёжик поднял голову, посмотрел на него чёрными бусинками глаз и не испугался. Люциан протянул руку — медленно, ладонью вверх, — и ежик обнюхал его пальцы. Нос у него был холодный, мокрый, и Люциан тихо засмеялся.

— Ты не бойся. Я тебя не обижу. Я тебя сейчас на опушку отнесу, там твой дом. Там листья, там тепло.

Он говорил и говорил, сам не понимая, откуда берутся слова. Он всегда так — с животными. С Лео, с птицами, с ежиками. Слова шли сами мягкие, как вата.

Он осторожно, двумя руками, поднял ежика. Тот свернулся было, но потом снова развернулся и уселся на ладони, как на подушке. Люциан поднялся, держа его бережно, будто это была чашка с горячим чаем.

— Пойдём, — сказал он. — Пойдём, маленький. Я тебя вынесу. Только не колись, ладно? У меня руки нежные.

Он понёс его через кухню. Домовики расступились, провожая его взглядами. Люциан вышел во двор, потом за ворота, на тропинку, которая вела к опушке. Солнце уже садилось, и лес впереди темнел, пахло мокрой землёй и грибами.

Он дошёл до первых деревьев, присел на корточки и опустил руки на землю. Ежик посидел секунду, потом слез с ладони, потоптался и засеменил в траву — в листья, в темноту, туда, где ему и место.

— Ну вот, — сказал Люциан. — Иди.

Он посидел ещё немного, глядя, как колючий клубок исчезает в листве. Потом встал, отряхнул колени и пошёл обратно.

Люциан вошёл в больничное крыло и сразу понял: здесь поработал настоящий ураган. Ветер, видимо, ворвался через высокие стрельчатые окна, которые кто-то забыл закрыть, и прошёлся по всему помещению. Простыни скомкались, подушки валялись на полу, пледы сползли,

а кое-где с кроватей сдуло даже тонкие покрывала. Пахло лавандой, воском и сыростью. На полу блестели лужи от дождя, который залетел следом за ветром.

Люциан скинул мантию на спинку стула у входа, закатал рукава и огляделся. Задание он прочитал ещё на пороге: заправить все кровати, строго по линеечке, пока не пришёл целитель. Он подошёл к первой кровати и взялся за дело.

Он начал с простыни. Скомканную ткань он стянул, встряхнул — резко, так что пыль полетела в стороны, — и расстелил заново. Углы он подворачивал аккуратно, один за другим, подтыкая под матрас. Края должны были лежать ровно, без складок. Он провёл ладонью по поверхности, проверяя, не осталось ли бугорков. Потом взял подушку — она лежала на полу у окна, — взбил её руками, положил на место и разгладил наволочку.

Следом пошло одеяло. Он расправил его, натянул так, чтобы оно свисало с кровати одинаково с обеих сторон, и подоткнул края. Потом поправил покрывало. Оно должно было лежать идеально ровно, без перекосов, чтобы ни одна складка не выдала спешки. Люциан отошёл на шаг, прищурился, проверяя, ровно ли. Заметил, что левый угол чуть задрался, вернулся и поправил.

Он перешёл к следующей кровати. Здесь ураган постарался сильнее: простыня скомкалась в комок, подушка застряла между спинкой и стеной, а плед вообще улетел под соседнюю койку. Люциан вытащил плед, отряхнул его, сложил пополам и отложил в сторону. Потом вытащил подушку, взбил, положил. Расстелил простыню, подоткнул углы. Он делал всё размеренно, без суеты. Руки двигались сами — он, кажется, мог бы заправлять кровати с закрытыми глазами.

На третьей кровати он задержался. Простыня была мокрая — видимо, дождь залил её через окно. Люциан потрогал ткань ладонью, поморщился и снял её. Нашёл в шкафу у стены стопку сухого белья, взял новую простыню и застелил заново. Мокрую он отнёс в корзину для грязного белья у двери, чтобы не путалась под ногами.

Последнюю кровать он заправлял, когда услышал шаги в коридоре. Быстрые, уверенные. Целитель. Люциан расправил последнюю складку, отошёл на шаг и оглядел ряд. Все кровати стояли ровно, одна к одной. Простыни натянуты, подушки взбиты, одеяла лежат ровно. Ни единой складки, ни единого перекоса.

Люциан вошёл в библиотеку тихо — насколько вообще умел входить тихо человек, который весь день провёл на ногах и всё ещё не остыл. Мокрые штанины он предусмотрительно закатал, ботинки оставил за дверью, а банку из-под имбиря сунул в карман мантии, чтобы не звенела. Просто сегодня было не до игр. Сегодня нужно было сделать дело.

Лужа растеклась по каменному полу у самого входа — тёмная, с отражением свечей, с прилипшим осенним листом посередине. Над ней висел зонт. Чёрный, с деревянной ручкой, весь в мелких бисеринках воды, и с кончика всё ещё капало — ровно, методично, как метроном.

Люциан остановился, посмотрел на лужу. Потом на зонт. Потом снова на лужу. Он не стал ни восклицать, ни подпрыгивать, ни разговаривать. Просто подошёл, присел на корточки и потрогал воду ладонью — холодная. Кто-то пришёл с улицы и бросил его здесь, не подумав.

Он встал, огляделся. На полке у стены лежала стопка старых полотенец — библиотека ими запасалась, потому что сырость здесь была вечной проблемой. Люциан взял одно, вернулся к луже и присел снова.

Он не размазывал воду. Он собирал её полотенцем аккуратно — прикладывал, ждал, пока ткань впитает, отжимал в стоявшее рядом ведро и снова прикладывал. Движения были ровные, размеренные, без суеты. Он вытирал пол так, как вытирают стол после еды: чтобы не осталось ни следа, ни разводов. Лужа была большая, но он не торопился. Полотенце промокало, он его выкручивал и продолжал.

Когда пол стал сухим — не на вид, а на ощупь, — он провёл ладонью по камню, проверяя. Ни капли. Только тогда он поднялся, разогнул спину, бросил мокрое полотенце в ведро и взялся за зонт.

Зонт был тяжёлый, мокрый, и с него всё ещё капало. Люциан поднял его, стряхнул над ведром — вода пошла струйкой, — потом сложил поплотнее, обмотал куском сухой ткани и только после этого понёс к стойке. Там он повесил его на крючок — ручкой вверх, куполом вниз, как вешают зонты, чтобы они сохли. Расправил складки. Проверил, что не соскользнёт.

Он отошёл на шаг, посмотрел.

Всё. Пол сухой. Зонт висит. Ведро с водой стоит у стены, чтобы потом вылить. Никаких следов, никакого беспорядка — только чуть влажное пятно на стойке, которое высохнет само.

Люциан вытер руки о мантию, потому что полотенца все были мокрые, и пошёл к выходу. У двери он обернулся — ещё раз, коротко, — убедился, что ничего не забыл, и вышел.

Осень в Хогвартсе пахла мокрым камнем, дымом из каминов и старой бумагой. Люциан сидел на широком каменном подоконнике в дальнем крыле библиотеки, у самого окна, выходящего на озеро и замковые шпили. Ноги он поджал под себя, мантию скинул на спинку ближайшего кресла — всё равно здесь никого не было, кроме него и кота. Подоконник был холодный, камень отдавал сыростью, но Люциан подстелил под себя старый шерстяной плед, который нашёл на спинке кресла, и теперь сидел мягко, по-домашнему.

Кот — серо-полосатый, с белой грудью и наглыми жёлтыми глазами — лежал на его коленях, свернувшись в клубок. Лео. Люциан купил его два года назад в маленькой лавке на окраине Гнаденталя. На витрине сидел котёнок — худой, с ободранным ухом и слишком серьёзными для его возраста глазами. Он не играл, не спал, а просто смотрел на улицу сквозь стекло, будто ждал кого-то. Люциан зашёл за свечами, а вышел с котёнком. Хозяйка лавки, старая ведьма с седыми косами, сказала только: «Он тебя выбрал. Таких не переубеждают». Люциан заплатил сколько было, взял его на руки, и котёнок тут же залез ему за пазуху и заснул.

— Ты мне мешаешь, — сказал Люциан, не отрываясь от книги. — Ты знаешь это?

Лео приоткрыл один глаз, посмотрел на него и снова закрыл. Мол, знаю. И что?

Люциан усмехнулся и перевернул страницу. Лео был тёплый, тяжёлый и пах сеном и пылью — как старый сарай. Он мурчал даже во сне, тихо, как маленький моторчик, и это мурчание отдавалось у Люциана в коленях.

Он опустил руку и запустил пальцы в густую шерсть на загривке. Лео сразу выгнул шею, подставляясь, и мурчание стало громче — теперь оно шло не из глубины, а будто из самой груди, раскатистое, тёплое. Люциан провёл ладонью вдоль спины — медленно, от ушей до хвоста, — и кот вытянулся под рукой, как тесто, растопырил лапы и перевернулся на спину, подставляя белый животик.

— Ну ты и наглец, — сказал Люциан, но руку не убрал.

Он почесал ему подбородок — двумя пальцами, мягко, — и Лео зажмурился, задрал морду вверх и вытянул шею, показывая, где ещё надо. Люциан почесал и там. Потом за ушами. Потом снова под подбородком. Лео урчал так, что вибрировали его лапы, и одна из них — передняя, с белым носочком — поднялась и повисла в воздухе, растопырив когти. Люциан поймал эту лапу свободной рукой, сжал осторожно, и кот сжал его палец в ответ — подушечками, без когтей, мягко. Они так и сидели: Люциан держал его лапу, а Лео мурчал и щурился от удовольствия.

Люциан наклонился и уткнулся носом в его макушку. Шерсть пахла сеном, пылью и чем-то ещё — тёплым, живым, кошачьим. Он вдохнул глубоко, потом ещё раз. Лео приоткрыл глаз — проверить, всё ли в порядке, — и снова закрыл, не убирая головы. Люциан поцеловал его в макушку. Коротко, без сентиментальности, просто потому что так хотелось. Лео не возражал.

— Ты самый лучший кот на свете, — сказал Люциан тихо. — Ты знаешь это?

Лео моргнул. Мол, знаю. Естественно.

Люциан откинулся назад, к каменной стене, и Лео остался у него на груди — теперь он лежал не на коленях, а выше, головой у самого его подбородка. Люциан продолжал гладить его — одной рукой по спине, другой — за ухом. Мурчание не прекращалось. Оно шло ровно, как дыхание, и от него у Люциана становилось тепло в груди.

Книга лежала рядом, открытая на середине. Он её не читал. Он смотрел на кота — на то, как поднимается и опускается его бок, как подрагивают усы во сне, как лапа иногда дёргается, будто он за кем-то бежит. Люциан улыбнулся — не широко, уголком рта, — и снова поцеловал его в макушку. Лео вздохнул во сне, устроился удобнее и затих.

Так прошёл ещё час. Солнце за окном опустилось ниже, свет стал мягче, тёплый, медовый. Он ложился на страницы, и буквы становились золотыми. Свеча в фонаре у окна уже горела — домовики зажгли её, пока он читал, и он даже не заметил. Лео спал, посапывая, и его бок поднимался и опускался в такт дыханию. Люциан время от времени гладил его — машинально, не думая, — и кот довольно урчал во сне. Шерсть у него была густая, мягкая, и под пальцами чувствовалось, как ходят мышцы.

Он дочитал главу до конца, закрыл книгу и откинулся на каменную стену. Спина затекла. Пальцы были в бумажной пыли. Лео всё ещё спал у него на груди, и будить его не хотелось. Люциан посидел так ещё немного — с закрытой книгой на коленях, с котом на груди, глядя, как над озером зажигаются первые звёзды. Они были мелкие, острые, и вода отражала их дрожащими точками. Потом осторожно, чтобы не потревожить Лео, потянулся за печеньем. Съел. Взял кружку. Чай был холодный, но он всё равно допил — до самого дна, где осели чаинки.

Лео потянулся во сне, выгнул спину, зевнул — и снова улёгся, положив голову на его руку. Люциан погладил его по голове — медленно, от носа к затылку, — и кот зажмурился, даже во сне чувствуя ласку. Потом открыл книгу снова — на следующей главе. Там было про полынь. Он читал и думал, что надо будет засушить немного в этом году, повесить над кроватью, чтобы пахло. Лео вздохнул во сне, устроился удобнее, и Люциан вернулся к чтению, не убирая руки с его спины. Ему было хорошо. Тихо. Осень, кот, книга. Что ещё нужно?

Люциан вошёл в кабинет профессора магии с охапкой осенних листьев, зажатой под мышкой и большой тёмной вазой в руках. Кабинет был пуст — профессор ушла на обед, — и это было к лучшему. Люциан не любил, когда за ним наблюдают во время такой работы. Смотреть, как он вычищает крыльцо или собирает каштаны, — пожалуйста. Но составлять букет — это другое. Это он делал больше для себя.

Он поставил вазу на край стола, рядом с кипой пергаментов и чернильницей, и принялся разбирать листья. Принёс он их много — с опушки, с квиддичного поля, из парка. Клёны, дубы, каштаны, какой-то тёмно-бордовый плющ, пара веточек рябины с ягодами. Он раскладывал их на столе, перебирал, отбрасывал мятые и рваные, оставлял только целые, с ровными краями.

Профессор была человеком строгим, аккуратным, любящим порядок. Значит, и букет должен быть строгим.

Люциан выбрал три крупных кленовых листа — тёмно-красных, с чёткими прожилками — и поставил их в вазу первыми, как основу. Потом добавил несколько жёлтых, поменьше, чтобы дать контраст. Сверху положил веточку рябины — тонкую, с редкими ягодами, — и она легла так, будто сама туда просилась. Он не стал ничего поправлять руками после того, как поставил: подождал секунду, посмотрел, как листья держатся в вазе, и только потом чуть повернул вазу, чтобы свет от окна падал на красное.

Он отошёл на шаг. Посмотрел. Вроде хорошо. Строго, но не скучно. Осень. Профессор оценит.

Потом он подошёл к столу с другой стороны, где лежали бумаги, и убрал с них случайно упавший лист — не хватало ещё, чтобы чернила размазались. Проверил, что ваза стоит ровно, не шатается. Вытер со стола пару капель воды, которые остались от мокрых стеблей.

Он уже собирался уходить, когда заметил на полке у окна маленький подсвечник, весь в пыли. Люциан протёр его рукавом, поставил рядом с вазой — просто так, для симметрии. Взял с полки старую книгу, которая лежала криво, и выровнял её по краю.

Оглядел кабинет последний раз. Тихо. Чисто. Букет стоял, как влитой. Он кивнул сам себе и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре он остановился, прислушался — не идёт ли кто, — и пошёл дальше, к следующему помещению. У него в корзине за пазухой ещё оставались листья.

Люциан вышел за ворота академии, когда солнце уже поднялось над шпилями и разогнало утренний туман. В руках он нёс две пустые корзины — одну плетёную, другую деревянную, шёл не спеша, поглядывая по сторонам. Улицы после ночного ветра были устланы листвой: кленовой, дубовой, каштановой, с редкими вкраплениями рябиновых веток. Пахло сырой землёй, дымом из труб и чем-то терпким, осенним.

Он начал собирать сразу, как только вышел на первую улицу. Нагибался за крупными кленовыми листьями — красными, с чёткими прожилками, — складывал их в плетёную корзину, стараясь не помять. Потом нашёл несколько дубовых, плотных, с волнистыми краями. Их он положил отдельно. Под раскидистым каштаном он собрал колючие скорлупки, уже раскрывшиеся, и вытряхнул из них гладкие коричневые плоды — они пригодятся для основы венка или для чего-то ещё. Рядом валялись сосновые шишки, он подобрал и их — крупные, смолистые, тяжёлые.

Он шёл вдоль улицы, заглядывал под деревья, у фонарей, у скамеек. Возле старого дуба он нашёл сухие ветки — изогнутые, крепкие, будто специально созданные для каркаса. Сложил их в деревянную корзину. Там же подобрал несколько пучков сухой травы — не для красоты даже, а для запаха: она пахла полынью и мятой. На клумбе он заметил кусты с красными ягодами — не боярышник, что-то другое, но ягоды держались крепко. Он срезал несколько веточек, аккуратно, чтобы не повредить куст. Руки у него были в земле, в смоле от шишек, в чём-то липком от ягод, но он не обращал внимания.

К обеду корзины были полны. Он вернулся, поднялся в свою комнату и высыпал всё на стол. Листья, шишки, жёлуди, ветки, ягоды, трава. Пахло лесом. Лео, спавший на кровати, приоткрыл один глаз, посмотрел на этот ворох и снова закрыл — мол, не мешай. Люциан усмехнулся и принялся за работу.

Он взял две длинные ветки, изогнул их в кольцо и связал бечёвкой — получился каркас. Потом начал оплетать его: сначала сухой травой, плотно, виток к витку, чтобы основа была ровной. Потом пошли листья — крупные кленовые, красные и золотые, — он вставлял их между прутьями, закреплял, чтобы держались. Дубовые листья он пустил по нижнему краю, как бахрому. Шишки приклеил в нескольких местах — не часто, чтобы не перегружать, — и добавил жёлуди. Веточки с ягодами воткнул сбоку, чтобы торчали в стороны, как маленькие искры.

Он работал долго, затачивая и подрезая, подвязывая и поправляя. Когда венок был готов, он повертел его в руках, посмотрел на свет. Что-то не то. Слишком просто. Он подумал минуту, потом отрезал кусок бордовой ленты — нашёл в ящике стола, осталась с прошлого года, — и привязал бант сбоку, чуть наискось. Вот теперь хорошо. Строго, но нарядно.

Он повесил венок на спинку стула, чтобы не помялся, и отошёл на шаг. Посмотрел. Потом обернулся к столу — там оставались ещё материалы. Листья, шишки, немного ягод, пара веток. Он присел и начал делать второе — маленькое, для Финнолы. Простое: веточка, обвитая травой, с тремя кленовыми листьями и одной шишкой. Никаких бантов, ничего лишнего. Он подумал и добавил ягоду — одну, красную, как точка.

Второй венок он отложил отдельно. Завтра выставка. Он отнесёт свой, а этот — отдаст ей.

Люциан стянул с шеи галстук — всё равно уже съехал набок, — сунул его в карман и упёр руки в бока, оглядывая опушку. Солнце висело низко, распластавшись по стволам яблонь тёплым рыжим светом, и трава под ногами была усеяна яблоками — красными, жёлтыми, в крапинку, с бочками, примятыми и сочными. — Эй, вы чего? — сказал он в пустоту, нагибаясь за первым же попавшимся. — Решили, что я за вами не приду? Яблоко легко легло в ладонь. Он подкинул его, поймал, и только собрался кинуть в корзину, как вдруг замер, повертел плод перед носом и с хрустом впился зубами. Сок брызнул по подбородку, сладкий, холодный, с лёгкой кислинкой. Люциан зажмурился от удовольствия, прожевал, вытер лицо рукавом — грязным, но ему было плевать, — и докусанное яблоко всё-таки отправил в корзину. — Ну что, теперь ты отмеченный, — усмехнулся он. Следующее он снял с низкой ветки — оно само упало ему прямо в ладонь, пока он проходил мимо. Люциан даже не стал раздумывать: надкусил с другой стороны, глядя в небо, и пошёл дальше, жуя на ходу. Корзина бухнула, принимая огрызок. Потом ещё одно — слишком красное, чтобы быть невкусным, — он откусил сразу треть, не глядя, и бросил в корзину вместе с косточками, облизывая пальцы. Он приседал, выпрямлялся, делал ложные выпады влево, будто яблоки могли от него убежать, а когда одно особенно налитое — такое, что аж светилось изнутри, — укатилось в ложбинку, он, не думая, рухнул на колени, нырнул в траву и вылез с ним в руке, весь в мокрых травинках, сбившейся чёлкой и дурацкой улыбкой до ушей. — Ага, попался! — засмеялся он, садясь прямо в траву. — Думал, я тебя не замечу, да? Спрятаться от Люциана Траверса? Да ни за что! Он хотел кинуть его в корзину, но рука сама потянулась ко рту. Хруст — и яблоко уже с выщербленным боком, а на языке опять тот самый вкус — мокрой листвы, утра, свободы. Люциан сунул надкусанное в карман мантии, подумал, что потом доест, и полез за следующим. И так пошло: он собирал, но каждое третье — а то и каждое второе — не доходило до корзины в целости. Он откусывал на ходу, пританцовывая, поворачивая яблоко в руках, выгрызая самые сочные места. От некоторых оставалась пара укусов — и они с лёгким стуком падали на дно плетёнки, уже некрасивые, блестящие от слюны, с неровными краями. Люциан жевал, чавкал, вытирал рот и снова тянулся за новым. Он сидел на земле, перебирал в руках яблоко, крутил его, и совершенно не замечал, что мантия на плече порвалась о сучок. Он сунул нос в землю рядом с грядкой мяты — просто так, потому что пахло мокрой зеленью, перегноем, чем-то настоящим и живым, — и выдохнул с удовольствием. Теплицы, грядки, этот влажный пар от остывающей земли — вот что его по-настоящему заводило. Заклинания — это ерунда. А вот когда ты сам копаешься в почве и чувствуешь, как пахнет корень, когда ты видишь, как растёт стебель, — вот это магия, да. Самая честная. В теплице было душно и пахло помидорами. Люциан на корточках прополз между горшками, потрогал лист — жёсткий, пупырчатый, — и вдруг заметил за большой тыквой что-то круглое. — О, а ты здесь как оказалось? — он вытащил яблоко из-за тыквы, покрутил перед глазами. Он поднёс его к носу, понюхал, пожал плечами и — хрум. Надкусил прямо на месте, и с набитым ртом замычал одобрительно. Только половина яблока отправилась в корзину, вторая — в живот Люциана. Корзина постепенно наполнялась, но выглядела странно: среди целых, румяных плодов валялось штук двадцать на удивление покусанных. Кто-то со стороны подумал бы, что яблоки грызли звери. Но зверем был только Люциан, который сидел на корточках, вытирал сок с пальцев о штаны, улыбался и жевал. Он перекидывал целые яблоки с одной руки на другую, иногда ловил их за спиной, не глядя, и с хохотом бросал в корзину, когда получалось. А надкусанные — складывал бережнее, будто свои. Где-то в голове зазвучала однообразная мелодия, и он её насвистывал, сам не зная, что это за песня. Просто осень, просто яблоки, просто воздух — сырой, сладкий, с привкусом коры и яблочного сока на губах. Сока было много. Он весь перепачкался — подбородок, щёки, даже уши, кажется. Но он не останавливался. Когда попадалось особенно вкусное — он откусывал

больше половины, до самой сердцевины, и тогда в корзину летели уже огрызки с торчащими хвостиками. — Так, — сказал он наконец, заглядывая в корзину и жуя последний кусок. — Так… хм. Он приподнял корзину, заглянул в неё, повертел в руках. Яблок лежало много, но целыми можно было назвать от силы треть. Остальные — с выеденными боками, надкусанные с двух сторон, кое-где с оторванными косточками. Он почесал затылок. — Ну, — сказал он виновато, глядя на покусанное хозяйство. — Половина пошла на дело. На жизнь. На энергию. Он с усилием поднял корзину, крякнул, перехватил поудобнее. Она была чёртовски тяжёлой — хотя половина веса, наверное, осталась у него в животе. Он шагал бодро, чуть пританцовывая на ходу, разбрызгивая росу с травы, и на ходу вытащил из кармана то самое, первое надкусанное яблоко. Посмотрел на него. — Ну, раз ты уже начатое, — сказал он и доел его в три укуса, кидая огрызок в кусты. У выхода из теплицы он остановился, оглянулся, глядя на зелень, на мокрые стёкла, на грядки, которые уже начинали темнеть в сумерках, и махнул рукой — небрежно, по-своему. Было вкусно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.